

Глава 7. Шпилька Управления Ветром

В последние дни всё шло по одному сценарию.

Стоило наступить полночи, как Мо Чэ, чей номер соседствовал с моим, тайком выбирался наружу. Он уходил всегда в одно и то же время и возвращался аккуратно к рассвету. Из-за этого мне приходилось дожидаться его ухода, чтобы наконец сомкнуть глаза, а едва я погружался в сон, как скрип открывающейся двери вырывал меня из объятий Морфея. Дошло до того, что однажды он никуда не пошёл, и я, представьте себе, так и не смог уснуть.

Ну и пруть у этого Первого главы. Свидания каждую ночь — такая выносливость заслуживает если не уважения, то хотя бы изумления.

День выдался погожим: ласковый ветерок, прозрачное небо. Но полуденное солнце палило нещадно. Мою левую щеку едва не поджарило, однако я так уютно устроился на каменном столе в саду, что не находил в себе сил даже пошевелиться.

«Солнышко, ну сжался, катись уже за горизонт...»

Измотанный и вялый, я распластался на столе, точно бесплотный дух, потерявший всякую чувствительность. Сознание поплыло, и я провалился в сон среди бела дня.

Где-то на грани сна и яви мне померещилось, будто на улице маленькая девочка расшибла коленку о камень и теперь заливается слезами. Я глупо хмыкнул, пребывая в полузабытьи, но когда присмотрелся внимательнее, понял — это не видение.

Кое-как стерев с лица слюни, я, пошатываясь, поднялся и побрёл к ней. С трудом удерживая равновесие, я помог малышке встать и расплылся в улыбке:

— Хе-хе... Сестрёнка, ты где живёшь? Давай братик проводит тебя домой...

Увидев меня, девчушка вмиг перестала плакать.

Я был тронут до глубины души. Что ни говори, а меня любят и стар и млад. Но стоило мне протянуть руку, чтобы потрепать её по щеке, как малявка выхватила из-за пазухи здоровенную головку чеснока и швырнула её прямо в меня.

Я машинально поймал «снаряд».

Это она что... угостить меня решила?

Я откусил кусок. Вкус оказался настолько ядрёным, что из глаз брызнули слёзы.

Девочка тем временем шумно втянула воздух и, глядя на меня с неприкрытым ужасом, начала медленно пятиться. А потом как припустит со всех ног, истошно вопя на всю крепость:

— Папа! Папочка! Там чудовище!

Чудовище?!

На её крик высыпала едва ли не вся крепость. Меня взяли в плотное кольцо, рассматривая со всех сторон. Я только глазами хлопал — что за представление?

Самые смелые подошли поближе, пригляделись и хлопнули себя по бёдрам:

— Расходитесь, всё в порядке! Это всего лишь Сяо Байлянь.

Толпа мгновенно рассеялась. Жизнь потекла своим чередом, будто ничего и не случилось, и только я остался стоять посреди двора в окружении пары сухих листьев.

За спиной раздался гомерический хохот Цинь Хуаня. Его явно ни капли не заботило моё замешательство.

Нахмурившись, я поплыл к нему, точно привидение:

— У вас тут что, массовое помешательство?

— А ты в зеркало давно заглядывал? — выдавил Цинь Хуань сквозь смех и протянул мне медное зеркальце с гравировкой восьми триграмм.

Я высокомерно принял его, решив проучить друга за дерзость:

— Глупости. Моё благородство врождённое, я — точно лотос, что тянется из ила, оставаясь чистым. Моя уверенность в собственной красоте непоколебима, и мне не нужны пошлые побрякушки, чтобы... Мать пресвятая, привидение!

Из зеркала на меня уставились два мутных глаза с лопнувшими капиллярами — результат хронического недосыпа. Шелушащиеся губы, застывшие в жутковатой усмешке на бледном, осунувшемся лице, довершали образ. Весь мой облик после долгих бессонных ночей лучился какой-то трудноописуемой, абстрактной «красотой».

В этот миг я признал: зеркало — вещь полезная. Оно явило миру лицо, равного которому по

незаурядности не сыскать.

Я отклонил предложение Цинь Хуаня отобедать, намереваясь вернуться в кровать, но тот вцепился в меня мёртвой хваткой. Силища у него была как у быка: не успел я и пикнуть, как оказался перед его домом.

В памяти тут же всплыли те «изысканные яства», которыми он потчевал меня в прошлый раз. Мозг забил тревогу, а желудок приготовился к худшему.

Меня усадили за стол. Бежать было некуда, пришлось встречать судьбу лицом к лицу.

Видя, что я не спешу братья за палочки, Цинь Хуань сам отправил кусок в рот и, прожевав, ободряюще кивнул:

— Не бойся! С нашей последней встречи я тренировался день и ночь ради этого момента. Ешь скорее!

Я занёс палочки над блюдом, которое выглядело чуть приличнее прежнего, сглотнул и поднял взгляд. Цинь Хуань смотрел на меня с такой надеждой, что отказать было выше моих сил.

Однако тело бунтовало. Стоило мне поднести еду к губам, как в нос ударил тот самый тошнотворный аромат. Желудок свело судорогой, и я просто отключился.

«Подумать только, я — настоящий бессмертный — пал жертвой стряпни. Позор-то какой».

Представляю, как хохотали бы обитатели пещеры Шуйин. А Фэнхуа? Я прямо-таки слышу его издевательский смех, переливающийся на все лады.

Мы ведь родились в один год. Уж не знаю, почему это персиковое дерево решило пустить корни прямо у моего пруда. Мы соседствовали сотни лет, но он вечно меня игнорировал. Впрочем, его спесь можно было стерпеть — цвёл он каждый год божественно, глаз не оторвать. Я даже начал думать, что он вполне ничего.

Но однажды налетел ураган. Мой стебель почти переломился, я едва не засох. И пока я ждал сочувствия и утешения, это дерево выдало: «А я-то думал, ты наконец пошёл ко дну. Раз уж живой, так не ори на всю округу, уши вянут!»

Потом он принял человеческий облик раньше меня и каждое утро начинал с того, что изводил меня: «Лянь, тебе никогда не стать духом. Глянь на себя: двести лет прошло, а ты всё та же демоническая колючка. Те, кто младше тебя, давно обрели форму, а ты всё гредишь о небесах. Жалкое зрелище».

«Тоже мне, гений нашёлся...»

Я поклялся себе: как только стану человеком, первым делом обломаю ему все ветки!

Но я опоздал. Мало того что он превзошёл меня в силе, так ещё этот распутник очаровал всех соседей. Все горой за него стояли, а я только зубами скрипел от злости.

Пламя свечи задрожало перед глазами. Я проснулся в холодном поту, так сильно сжимая челюсти, что чуть не раскрошил зубы.

Оказалось, я лежу в доме этого «маньяка», а рядом сидит солидный мужчина средних лет с козлиной бородкой. Лицо его показалось мне до боли знакомым.

Убрав пальцы с моего запястья, он погладил бороду и усмехнулся:

— Молодой человек, неужто не узнаете?

Я приподнялся на кровати, моргнул и хлопнул в ладоши:

— Вспомнил! Это вы тот лекарь из аптеки, который требовал с меня деньги!

Он вскинул бровь:

— К вашим услугам.

Заметив рядом его инструменты, я осторожно спросил:

— Вы что же... только что меня лечили?

— Именно так.

— И это платно?

— А ты как думал?

— У меня нет ни гроша, — я развёл руками, демонстрируя пустоту в карманах.

— Пустяки, — он хитро улыбнулся и прищурился. Затем он выудил из-за пазухи лист бумаги и коробочку с киноварью. — Отработаешь у меня два года бесплатно — и мы в расчёте.

«Заранее подготовился, стервец».

Он подпихнул бумагу мне под нос:

— В прошлый раз ты принёс отличные травы: быстро, много и качество отменное. Ни одной ошибки! Ты — талант, который рождается раз в десятилетие. Я решил, что просто обязан сделать тебя своим заготовщиком.

Короче говоря, ему просто нужен был бесплатный батрак.

— Ставь отпечаток, чего медлишь? Денег-то всё равно нет, — подгонял он.

И правда, денег нет...

В голове всё перемешалось. Я уже почти коснулся пальцем киновари, чтобы поставить метку, как вдруг опомнился:

— Погодите-ка! А что вы, собственно, лечили?

— Осмотрел, прослушал, опросил, прощупал пульс, — кратко бросил он.

—...

Крыть было нечем. Я недовольно надулся:

— И сколько я вам за это задолжал?

Он поднял один палец.

— Один лань?

— Тысячу! — рявкнул он.

Я чуть с кровати не свалился:

— Да вы в своём уме?! Вы меня супом из снежных лягушек поили? Или потчевали настоем из тысячелетнего линчжи? Может, скормили мне ящик жемчужного порошка? Это же грабёж!

Он же, сохраняя олимпийское спокойствие, принялся загибать пальцы:

— Приём в лазарете — пятьдесят вэней. Выезд на дом: в пределах ли — десять ланей, за пределы городка Ванху — пятьдесят. Чтобы добраться сюда, я карабкался по горам и переходил реки — это пятьсот ланей. Добавь сюда оплату сверхурочных, компенсацию за потраченное время, дорожные расходы, а также страховку на случай нападения диких зверей в горах... Итого — тысяча ланей. Всё честно, никаких обманов. Теперь понял?

«Ни черта я не понял!»

Видя моё оцепенение, он добавил:

— Пока не увижу денег — не уйду. Решай сам. Кстати, тот малец, что меня позвал, едва услышал цену — как сквозь землю провалился. До сих пор не видать.

С этими словами он помахал бумагой у меня перед носом.

Какая печаль. Почему и на небесах, и на земле столько предателей? Неужели мне на роду написано заводить только «друзей до первой беды»?

Я уже потянулся было к контракту, но его выхватили у меня из рук и скомкали. Это был Цинь Хуань — тот самый, о ком я только что думал плохо:

— Второй глава, я всё слышал! Долго вы ещё будете паясничать?

Второй глава?

Цинь Хуань с тревогой взглянул на меня:

— Сяо Байлян, не слушай его. Это наш Второй глава, Ху Лай. Он хлебом не корми — дай кого-нибудь разыграть. Я не из тех, кто бросает друзей в беде.

Лекарь, ничуть не смутившись, погладил бородку и кивнул мне:

— Приятно познакомиться. Ху Лай к вашим услугам.

«Ху Лай... Ну и имя. Говорящее».

Вскоре Ху Лай и Цинь Хуань ушли по делам. Оставшись один, я первым делом отправился на поиски провианта. На кухне шаром покати, так что я напрямик направился в комнату Мо Чэ.

В последнее время стоило мне проголодаться, как он тут же что-нибудь готовил. Кулинар он был отменный. Но, как назло, в комнате его не оказалось.

Я уже собирался уходить, как вдруг заметил на кровати нечто странное — серебристый, прозрачный предмет, похожий на меч. Любопытство взяло верх. Я подошёл ближе и взял его в руки. Никакой гравировки, никакой резьбы — чистая, гладкая поверхность. Очень изящная вещь.

Меч был тяжёлым. Материал — то ли сталь, то ли нет, но твёрдый как алмаз и отливал водянистым блеском. Я покрутил его так и эдак, ничего не понял и принялся в шутку им размахивать. Но стоило мне добраться до порога, как я нос к носу столкнулся с ошарашенным Мо Чэ.

Чувствуя себя пойманным вором, я торопливо вернул меч на место:

— Я... я заходил, а тебя не было... вот я и...

— Ты... — он хотел что-то сказать, но осёкся. Повисла тишина.

Чтобы разрядить обстановку, я погладил ввалившийся живот:

— Я проголодался.

Он кивнул, взял меня за руку и повёл за собой.

Я впервые почувствовал его ладонь. Тепло, исходящее от его кожи, было живым и мягким — совсем не таким холодным, как я себе представлял.

В печи весело затрещали дрова. Я привычно устроился в ожидании обеда. Это простое счастье — предвкушать вкусную еду — было самым понятным и искренним в мире.

Еда способна исцелять душу.

У небожителей нет чувств, им не нужно заполнять внутреннюю пустоту и одиночество. Но люди — совсем другое дело. Когда в сердце рождаются страсти и желания, еда становится якорем. Она рядом и в горе, и в радости.

Вот за это я её и люблю.

Сам Мо Чэ почему-то никогда не ел со мной. Видимо, я питался в самое неподходящее время. Но каждый раз, когда я уплетал за обе щеки, он садился напротив и смотрел, как я проглатываю кусок за куском, пока миска не пустела.

«Любуется он, что ли?»

Странный человек.

Закончив с трапезой, он вдруг достал что-то из-за пазухи и протянул мне.

Я глянул — это была моя шпилька.

На радостях я тут же вставил её в волосы, напрочь забыв, что именно этот человек её у меня и отобрал. Я даже выдал сдуру:

— Спасибо, что вернул!

Он промолчал, но в его взгляде мелькнуло нечто тёплое. Убрал посуду, он снова сел напротив и наконец заговорил:

— Несколько дней назад я передал рисунок шпильки своим людям. Если они найдут твоего брата, то сразу сообщат.

Я так увлёкся местной жизнью, что совсем позабыл о поиске своего перерождения.

Помощь была кстати, вот только история про брата была чистойшей выдумкой. Искать его было бесполезно.

Заметив, что я приуныл, он спросил:

— Не рад?

Редко он баловал меня долгими беседами, так что я решил поддержать разговор:

— Это дедушкин подарок. Не знаю, видел ли брат эту шпильку хоть раз. Если нет — все труды пойдут прахом.

Он покачал головой:

— Не волнуйся.

«Тебе легко говорить. Это не твоё перерождение на кону. Знать судьбу и не иметь возможности её изменить — что может быть печальнее?»

Я заставил себя улыбнуться:

— Когда найду его, сделаю самым счастливым человеком на свете. Детство у него было горькое, так что я просто обязан ему помочь.

— Ты его найдёшь, — твёрдо сказал он, и я против воли заразился его уверенностью.

Пожив с ним бок о бок, я понял: этот молчун — человек надёжный. У каждого свои причуды, а у него их, пожалуй, было больше, чем у других.

Однако среди ночи я снова услышал знакомый скрип двери. Любопытство пересилило, и я выскользнул следом. Вглядываясь в спину Мо Чэ, растворяющуюся в лунном свете, я гадал: куда же он так поздно направляется?

Эх, была бы у меня магия...

«Вот бы снова летать, как прежде...» — вздохнул я про себя.

И тут моё тело само собой оторвалось от земли.

Я с изумлением осознал: шпилька Управления Ветром, которая казалась куском бесполезного дерева, снова обрела силу! Не успел я решить, куда лететь, как она, точно падающая звезда, понесла меня сквозь ночное небо.

«Куда же она меня тащит?»

Только бы не в Западный рай Сукхавати к Будде — оттуда я точно не скоро вернусь.

Надо мной сияла полная луна, вокруг рассыпался звёздный дождь. Без облаков ночное небо было неопишимо прекрасным. С тех пор как я попал в Небесный чертог, где нет ни дня, ни ночи, я не видел космос так близко.

Помню, как только я обрёл плоть, то из чистого упрямства пытался взлететь выше облаков. У меня ничего не выходило, и Фэнхуа, конечно же, не упустил случая надо мной поиздеваться. Но однажды он внезапно сам поднял меня в вышину.

Тогда облака так же плыли под моими ногами. От восторга я закричал на весь мир, чем жутко его взбесил. Фэнхуа, недолго думая, сбросил меня вниз. Не будь внизу пруда — собирали бы меня по кусочкам.

Теперь у меня была своя сила, и я мог бы насладиться полётом, но скорость была бешеной. Какое уж тут удовольствие, когда тебя несёт как стрелу.

На рассвете шпилька доставила меня в место, которое я никак не ожидал увидеть.

Пещера Шуйин.

Должно быть, я нечаянно подумал о доме, и артефакт исполнил моё желание.

Я не верил своим глазам. Всё выглядело так, будто здесь пронёсся великий потоп, а после землю веками палило солнце. Маленький рай цветочных духов превратился в иссохший каменный склеп. Журчащие ручьи исчезли, Лунное горное ущелье пропало, даже плиты на тропах выцвели и обнажились.

Всё вокруг — травы, деревья — стояло мёртвым. Ни единого живого существа.

«Боги, я что, попал в эпоху сотворения мира?»

Я медленно вошёл в пещеру. Каменные своды остались прежними, я узнал свою келью, где медитировал тысячу лет. Мне казалось, я вижу на стенах иероглифы «Покой», которые вырезал когда-то... но это был лишь морок.

Стены были голыми.

В начале своего пути я вырезал этот иероглиф всякий раз, когда мирские мысли мешали сосредоточиться. Со временем суета утихла: одни духи ушли, другие погибли. Стало тихо, но мой прогресс всё равно оставался черепашьям, над чем все потешались.

«Неужели я вернулся в те времена, когда ещё не стал бессмертным?»

Тогда мне придётся ждать тысячи лет, чтобы спасти своё перерождение!

Я в отчаянии обхватил голову руками.

Вдруг в глубине пещеры послышался шорох. Я затаился и выглянул из-за камня. Там, во тьме, стоял человек. Расстояние не позволяло разглядеть лицо, но силуэт был статным. Длинные, чёрные как смоль волосы спадали на спину. Даже издали я почувствовал исходящую от него леденящую ауру. Мороз пробежал по коже.

Человек замер, будто поглаживая что-то невидимое в воздухе.

Первый луч солнца коснулся моих глаз, окрасив всё это запустение в золотые тона. Какая злая ирония.

Понимая, что пора возвращаться, я медленно поднялся и мысленно приказал шпильке нести меня назад. Рывок был таким резким, что я чуть не расшиб лоб о скалу.

Я летел, подгоняемый ветром. Скорость была отменной, если не считать того, что волосы стояли дыбом, превратившись в воронье гнездо.

Кое-как пригладив шевелюру, я рысцой пустился к крепости. Но стоило мне пересечь порог, как чья-то рука крепко схватила меня.

Я поднял голову. Это был Мо Чэ.

<http://bllate.org/book/17534/1701117>